

Числительные в башкирской народной поэзии

Б. В. Орехов, А. А. Галлямов

Всем писавшим о числах в лингвистическом ракурсе хорошо известно, какой объём научной литературы существует о семантике числа в различных языках и культурах в связи и вне связи с лингвистической проблематикой. На тему символики чисел в башкирском языке была даже защищена кандидатская диссертация [Муратова 2009], где имеется параграф «Художественно-изобразительная функция чисел в башкирском фольклоре». В то же время легко заметить, что исследования чисел чаще всего строятся на основе качественного, а не количественного анализа текстовых данных.

Скажем, типичный пример мы можем обнаружить в той же диссертации о символике чисел в башкирском языке: «Числа употребляются в определении количества главных действующих лиц, объема, размера сказочных объектов в сказках, эпосах, легендах <...> В фольклоре числа могут служить для обозначения пространства и времени, в котором действует герой или совершается его путешествие, происходит борьба с темными силами, врагами» [Там же] и т.д. Как мы видим, исследователь (что, впрочем, можно списать на этап первоначального накопления фактической базы) ограничивается констатацией возможностей употребления числительных, не пытаясь количественно описать распределение этих возможностей в тексте.

Не умаляя достижений предшественников, хотелось бы предложить двинуться дальше и уделить внимание *количественному анализу числительных*, что, во-первых, может дать некоторые новые результаты в освещении темы, а, во-вторых, кажется нам естественным для статьи в сборнике о числовом коде.

В силу того, что башкирский является титульным для национальной республики, на нём создана большая литература, издаётся периодика, Уфимский научный центр РАН и университетские специалисты организуют экспедиции для изучения традиционной культуры башкир. Единственным недостатком башкирского текстового фонда в современных условиях следует считать разве что слабую оцифрованность.

Но некоторая работа в этом направлении всё же ведётся. Так, в лаборатории компьютерной филологии Башкирского университета создано электронное научное издание фольклорного архива университета¹, то есть материалов, которые были собраны в фольклорных экспедициях в башкирские сёла в течение последних 60 лет. На этих данных и было проведено исследование, представляемое вашему вниманию

Конечно, такую выборку нужно прокомментировать. Очевидно, что фольклорный фонд сам по себе принципиально неограничен (если не брать в расчёт смерть самой традиции, к которой он принадлежит), однако опыт корпусной лингвистики говорит нам, что можно создать такой сбалансированный корпус, в котором будут адекватно отражаться более-менее все значимые языковые явления. В нашей выборке присутствуют все основные жанры башкирского фольклора (как лирические, так и эпические), а также большинство этнодиалектных традиций, среди которых лучше всего представлена северо-восточная (Салаватский, Дуванский районы). Записи сделаны преимущественно в 1950-е и 1960-е годы. Издание ещё не закончено и тексты в него продолжают поступать, так что текущие выводы следует считать предварительными, однако их легко можно будет уточнить, когда коллекция текстов станет более полной.

Из текстов были извлечены все случаи употребления числительных и вручную снята омонимия.

В целом по всем текстам получилась следующая картина (числительное считается во всех словоформах):

бер (1)	564
ике (2)	175
өс (3)	32
дүрт (4)	15
биш (5)	22
алты (6)	8
ете (7)	20
һигез (8)	1
туғыз (9)	14
ун (10)	15
егерме (20)	6
утыз (30)	0
қырк (40)	0
илле (50)	1
алтмыш (60)	1

¹ <http://lcpb.bashedu.ru/index.php?go=editions>

етмеш (70)	0
һикһән (80)	2
тукһан (90)	0
йөз (100)	7
мен (1000)	2

Из приведённых данных видно, что первые два числительных резко отличаются по частотности от числительных дальнейшего ряда. Связано это с тем, что числительное *бер* во многих контекстах не выступает как числительное в строгом смысле термина. Например, *бер шат таушыҡа* букв. ‘одному радостному звуку’, здесь речь идет о радости по поводу любого звука, приносящего радость, то есть, *бер*, скорее, сходно по функции с неопределённым артиклем. Нечто сходное можно наблюдать в русском языке на примере конструкций типа «один человек сказал: “все лгут”» (здесь важно не то, что это сказал один-единственный человек, а то, что это сказал некоторый неопределённый субъект).

Частотность *ике* связана, насколько можно судить по контекстам, с двумя значениями высокочастотной формы *икенсе*, которая означает и ‘второй’, и одновременно ‘иной’, как в конструкции *икенсе төрлө эшләне* ‘сделал иначе’. *Мин икенсе кейем менән бейей алмайым*, - *ти* ‘говорит, я в другой одежде танцевать не могу’.

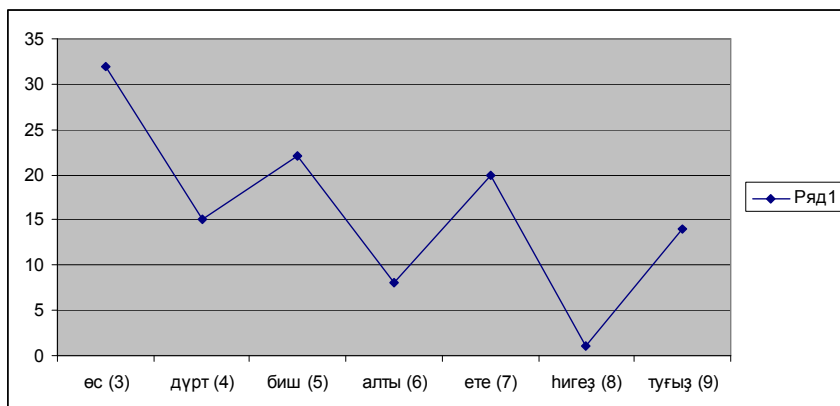
Иными словами, числительные *бер* и *ике* не совсем, вернее, не исключительно числительные. Отделить одни значения от других в конкретных контекстах бывает затруднительно, поэтому, чтобы не вносить субъективизма оценки, далее сосредоточимся на числительных, обозначающих количество больше двух.

Сделанные подсчёты прежде всего дают нам хорошие основания для некоторых рассуждений о символике фольклора. Вот типичный пример такого рода спекуляции из статьи «Мир тувинской сказки»: «Художественный мир тувинской сказки богат и цифровой символикой. Магические числа – 3, 7, 9 и т.д., характерные для сказок всех народов, в *тоол* встречаются в самых различных комбинациях и имеют своеобразную и пока не разгаданную таинственную символику.

Самые популярные из этих чисел, пожалуй, 9 и производные от него – 81, 90, 99, 108 (9x12) и др. Число 9 иногда применяется как выразительное средство и обозначает понятие числового множества (“Тос чузун малдыг Тозандай” – “Тозандай, имеющий девять видов скота”). Строение ритуальной палочки – тос-карак (“девятиглазка”) – связано с традиционным представлением о девяти сторонах света) [Самдан 1994: 23–24].

С опорой на наши подсчёты можно заключить, какие числа пользуются популярностью и в каком отношении к другим членам натурального ряда. Например, «9» у башкир, представителей тюркской группы, как и

тувинцы, действительно используется чаще, чем «8» или «б», но уступает при этом числу «7» и даже «4» (что, впрочем, укладывается в статистическую погрешность).

Обращает на себя внимание единственный на всю коллекцию случай употребления числа «8» (в лирической песне):

Кара урманкайзарзы үтэргэ,
 Карагатган кара ат кэрэк.
 Нез дустар менэн танышырга
 Нигез төрлө хат кэрэк.

Чтобы пройти сквозь черные леса
 Нужен конь чернее, чем смородина.
 Чтобы с вами познакомиться, друзья,
 Нужны восемь разных писем.

В целом же распределение числительных в рамках стиля вполне ожидаемо: 3, 7 и 9 подтверждают свою частотность с прибавлением к этому ряду числительного 5. Здесь мы видим влияние в том числе новых реалий, которые так или иначе вторгаются в фольклорный текст:

Биш минутка һөйлэргэ рөхсэт италар 'Разрешили выступить в течение пяти минут' («Гаш һын», сказка); *биш тин эткерэ бирмэгэндэр икэн, шууга ул, акыра, ти* 'пять копеек сдачи не дали, оказывается, вот и орет' (бытовая сказка). Счёт пятёрками – более естественный для современной цивилизации из-за исторически установившегося порядка нанесения делений на циферблат часов и монет советской эпохи.

Числительные второго десятка и далее, разумеется, менее востребованы. Например, в тувинском фольклоре исследователи отмечают особый статус числа «41»: «Интересно применение числа 41 в тувинской сказке: хан с сорока одним умом, сорок один гадательный камень. У тувинцев существует поверье, что гадательные камни обычно имеют магическую силу, если они собраны среди галек сорока одной реки или добыты из зоба птицы, которая подобрала их с берегов сорока одной речки (у киргизов кумалаки собираются из сорока одного катышка овечьего помета)» [Там же]. В башкирском фольклоре мы видим равнодушие к числительным пятого десятка. На этом фоне особенно заметна частотность числительных третьего десятка. По всей видимости, это наиболее частотный случай передачи условного большого количества в башкирском фольклоре:

Кыр каззары осоп бара, / Егерме ете бала ‘летят дикие гуси, двадцать один гусенок’ (лирическая песня, Мечетлинский район);

Егерме бер семья торзок бергә / Бер үзем дә тороп калдым мин ‘двадцать одна семья мы жили вместе, остался только я один’ (лирическая песня, Зианчуринский район).

Кроме того, особой значимостью обладает возраст 25 лет, именно в нём зачастую находятся герои лирических песен (здесь, очевидно, нужен этнографический комментарий):

Мин бәхетһезлеккә осраным / Егерме бишенсе йәшемдә ‘С несчастьем я встретился на своем двадцать пятом году жизни’ (Такмак, Гафурийский район);

Егерме биш йәш ул йәшлек дәүер, / Кире лә кайтып килмәс әйзәнен ‘25 лет это пора молодости, не вернется назад’ (лирическая песня, Бурзянский район)

Наиболее заманчивым для исследователей был, конечно же, подсчёт распределение числительных в коллекции по жанрам. И такой подсчёт нами был осуществлён. Здесь мы предварительно избавились от сложных слов вроде *туғызтуғылдык* ‘девятистучальник’ и считали только падежные формы числительных

Но начнём мы с типов речи, стихотворного и прозаического. Оказывается, числительные в целом встречаются в стихотворных текстах, нежели в прозаических. Это правило соблюдается для всех числительных первого десятка, кроме двух. Только *өс* (3) и *туғыз* (9) встречаются в прозаических жанрах (прежде всего, в сказках) чаще.

Именно между числительным *три* и жанром сказки, таким образом, обнаруживается самая отчётливая корреляция. Вот характерная иллюстрация: *Уңың өс улы, бер кызы була* ‘У него было три сына и одна дочь’ (сказка, Салаватский район).

Её же, хотя и не столь отчётливо, мы наблюдаем и для числительного *девять*: *Төн сыккансы дейеүзең туғыз башын да кисеп...* ‘в течение ночи отрубив у дива все девять голов’ (сказка, Салаватский район).

Четыре и *пять* тяготеют к лирической песне. *Үрген буйы биш тирәк* ‘вдоль Ургуна пять тополей’ (место записи не указано).

Числительное *ете* ‘семь’ обладает универсальным характером и равным образом тяготеет к сказкам, песням и такмакам (башкирский аналог частушки), что, несмотря на его скромные частотные показатели, подтверждает особый статус этого числа для фольклорного текста:

Ете көн, ете төн баргандың һуңында икенсе ауылга килеп еталар ‘после того как они шли семь дней и семь ночей пришли они в одну деревню’ (сказка, Уфимский район).

Ете йондоз / Ете әйләнән таңдар атканса ‘семь звезд семь раз обернутся пока настанет утро’ (песня, место записи не указано).

Итак, в устройстве системы числительных в башкирском фольклоре участвуют прежде всего два разнонаправленных фактора. С одной стороны, числовой символизм восходит к древнейшим мифопоэтическим корням, а с другой, оказывается тесним реалиями общества модерна. При этом смысл функционирования того или иного числительного гораздо чётче можно было бы уяснить, не просто апеллируя к его популярности, но и установив жанровые тяготения, то есть универсальность или локальность его употребления.

Литература

- Муратова 2009 – *Муратова Р. Т.* Символика чисел в башкирском языке. - М., 2009.
Самдан 1994 – Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки. - Новосибирск, 1994. – С. 10–34.